

© 2017 г.

**Член-корр. РАН П.П. ЧЕРКАСОВ**

## **РУСОФОБИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ? ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ ГИ МЕТТАНА**

*Черкасов Петр Петрович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

В российском либеральном сознании понятие «русофобия» имеет исключительно негативную коннотацию, чего не скажешь, например, об «исламофобии» и тем более об «антисемитизме». Первое почему-то принято считать выдумкой русских национал-патриотов, а второе — объективной реальностью, «данной нам в ощущениях». Между тем о русофобии в наши дни рассуждали не только Вадим Кожин, Игорь Шафаревич и близкие к ним публицисты, но и такие убежденные либералы, как Юрий Левада или Юрий Пивоваров<sup>1</sup>. Последние никогда не отрицали феномен русофобии, но объясняли его иначе, чем национал-патриоты. Непрекращающиеся идейные схватки на эту тему нередко приобретают в России крайне острые формы, в отличие от Запада, где обсуждение данного вопроса, по крайней мере, в академической (университетской) среде до недавнего времени велось в рамках спокойной научной дискуссии.

Здесь я позволю себе одно отступление, относящееся к личным воспоминаниям. В 1997 г., когда я находился в научной командировке в Париже, профессор Никита Струве пригласил меня на свой семинар в университет Париж-Х Нантер. Тема очередного обсуждения обескураживала — «Русофобия и русофилия в Европе и во Франции». Причем русофобия была поставлена на первое место. Я поделился своими сомнениями с Никитой Алексеевичем, сказав, что у нас в России даже в ученом сообществе дискуссия на такую тему была бы маловероятна. Более того, никто не мог бы поручиться за мирное ее окончание. У всех тогда были свежи воспоминания о погромных выходках активистов общества «Память» и боевиков РНЕ (Русское национальное единство) на собраниях писательского и других творческих союзов.

Открывая семинар, профессор Струве, сославшись на мой с ним разговор, в шутку выразил надежду, что обсуждение пройдет без рукоприкладства, чем вызвал веселое оживление присутствующих. Семинар, на котором был заслушан доклад авторитетного профессора-русиста Мишеля Кадо<sup>2</sup>, оказался удивительно содержательным. И докладчик, и участники дискуссии со спокойствием патологоанатомов разбирали по элементам оба феномена — русофобию и русофилию. В конечном итоге сошлись на том, что на Западе (и во Франции, в частности) по отношению к России всегда преобладала русофобская тенденция, а эфемерные проявления русофильства объяснялись преимущественно прагматическими соображениями. Я покидал семинар с чувством зависти к французским коллегам, имеющим возможность ставить на научное обсуждение столь острые темы.

---

<sup>1</sup> Необъятная тема существующих интерпретаций русофобии выходит за рамки настоящей публикации. Здесь же можно только напомнить, что слово «фобия» («фобос») всегда переводилось с древнегреческого как «страх», «неприязнь» или «враждебность». При различии подходов все исследователи сходятся в том, что русофобия, как и ее аналоги — германофобия, англофобия, американофобия, исламофобия и прочие фобии, включая антисемитизм, — составляют разновидности этнофобии.

<sup>2</sup> См. его капитальный труд: *Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française, 1839–1856. Paris, 1967.*

За последние полтора десятилетия поток публикаций на Западе, посвященных современной России, характеризуется усилением обличительной тенденции. Редким, если не сказать, уникальным, исключением стала объемистая книга швейцарского журналиста и политического деятеля Ги Меттана «Запад — Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса»<sup>3</sup>. Книга имеет многозначительный, можно даже сказать, провокационный подзаголовок, явно призванный привлечь внимание пресыщенного франкоязычного читателя — «Почему мы так любим ненавидеть Россию?»<sup>4</sup>.

Выход книги Ги Меттана, совпавший с разгоранием конфликта на востоке Украины, что сопровождалось антироссийским всплеском в западных СМИ, немедленно вызвал множество откликов — преимущественно негативных. Особенно негодовали левые СМИ. Правые были более сдержанны, а в отдельных случаях даже соглашались с некоторыми выводами автора.

Ну как же! Меттан осмелился подвергнуть сомнению казавшийся несокрушимым постулат об извечной вине подверженной деспотизму, агрессивной России перед цивилизованным миром. Более того, на протяжении без малого 500 страниц своей книги автор доказывает, что главная ответственность за многовековую отчужденность России от Европы лежит вовсе не на ней, а на Западе. Это было воспринято как прямой вызов устоявшемуся взгляду на Россию.

Сам Меттан признается, что ему, профессиональному журналисту-международнику, потребовалось более 20 лет, прежде чем он посмотрел на современную (как и на историческую) Россию иначе, чем это принято на Западе. Первые сомнения на этот счет появились у него еще в начале 1980-х годов, когда он непосредственно соприкоснулся с деятельностью так называемой Всемирной антикоммунистической лиги (ныне — Всемирная лига за свободу и демократию). Тогда его начальство в редакции «Журналь де Женев» объяснило начинающему журналисту, что он обязан видеть принципиальную разницу между «хорошими» диктатурами, вроде пиночетовской, ориентирующимися на Запад, и «плохими», существующими в СССР, странах Восточной Европы, в Китае, Северной Корее и Вьетнаме.

С тех пор журналист Меттан, став главным редактором газеты «Трибюн де Женев», а затем депутатом от центристской Христианско-демократической партии и даже президентом Большого Совета (парламента) Женевы, извлекал все новые и новые уроки из стратегии двойных стандартов и двойной политической морали, которых придерживаются правящие на Западе элиты. «Моментом истины» для него стал кризис на Украине. Для Меттана речь там идет о гражданской войне, вызванной государственным переворотом в Киеве, а вовсе не о российской агрессии, как принято считать на Западе (с. 20).

«В надежде если не сломать, то хотя бы сделать менее непреступной стену предрассудков, — пишет Меттан в предисловии к своей книге, — я взялся за этот труд и погружился в сложные, запутанные, но чрезвычайно увлекательные глубины истории, чтобы проследить, когда зародились и сформировались искаженные представления Запада о России... Русофобия, прочно укоренившаяся в западных правительствах и редакциях западных газет и разросшаяся сегодня до истерики и безумства, не является чем-то вечным и незыблемым. Именно это я постараюсь показать в данной книге, единственная цель которой — убедить читателей, что не обязательно ненавидеть Россию, чтобы вести с ней диалог».

<sup>3</sup> Меттан Г. Запад — Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: Паулсен, 2016, 464 с.

<sup>4</sup> Mettan G. Russie — Occident: Une guerre de mille ans. La russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne. Pourquoi nous aimons tant détester la Russie. Genève, 2015.

«Уточним заодно, — продолжает Меттан, — хотя это само собой разумеется, — что данное исследование ни в коем случае не направлено против Запада. Понять истоки ненависти к России вовсе не значит отрицать такие достижения цивилизации, как демократия, свобода и права человека, которые Запад отстаивал со времен Французской революции. Это также не подразумевает никаких восторгов по отношению к путинскому режиму. Критика недостойной политики Запада вовсе не равносильна оправданию промахов России.

Так что не следует думать, будто книга, которую вы держите в руках, — памфлет, направленный против Америки и Европы, воспроизводящий в зеркальном отражении стратегию двойного подхода, типичную для наших СМИ, и противопоставляющую «хорошую» Россию «плохому» Западу. Задача, стоящая перед автором этой книги, — проследить историю развития отношений между Западом и Россией во всей их сложности и воздать должное десяткам миллионов русских, которые вот уже 25 лет как пытаются построить у себя демократию — но демократию не импортированную, а выстраданную изнутри — и восстановить экономику, разрушенную приватизацией. А также сделать возможным собственное будущее — не навязанное другими странами, а являющееся продолжением русской истории» (с. 20–21).

Таковы цели и задачи, поставленные Ги Меттаном в своем исследовании, не претендующим (автор специально подчеркивает это) на научную глубину и тем более академизм.

Книга состоит из трех частей. В первой части дается характеристика русофобии как устойчивого феномена, на множестве примеров показан тот размах, который приняла антироссийская кампания на Западе, начиная с 2000 г., наконец, раскрывается сознательная и целенаправленная тенденциозность западных СМИ в освещении кризиса на Украине.

Во второй части автор исследует истоки, причины и обстоятельства возникновения русофобии на Западе, выявляет специфику французской, британской, германской и американской разновидности этого исторического феномена.

Третья часть книги посвящена анализу методов и инструментов современной русофобии. Автор показывает, как западные СМИ создают образ «злодея» в лице президента России Владимира Путина, как на наших глазах совершенствуется и обновляется традиционная мифология русофобских представлений о России.

«Я вполне отдаю себе отчет в том, — предупреждает автор, — что коснулся запретной темы, которую старательно обходят европейские университеты. Те авторы, которых я цитирую в книге, говорили мне, что были вынуждены прервать свои изыскания, потому что их лишили финансирования. Я также вполне сознаю, что написал скорее журналистское досье, чем академическое исследование, которое мог бы осуществить профессор истории, возглавляющий престижную университетскую кафедру. Я ставил перед собой задачу рассмотреть возможные гипотезы и дать пищу для размышлений — но отнюдь не разрабатывать академическую концепцию... Многовековая всемирная история ненависти к России подтверждает мою гипотезу. Надо было забраться вглубь веков, чтобы найти отправную точку подобной неприязни: это идея, что Запад лишь отвечает на изначальные антизападные или антиамериканские настроения русского общества и русского государства».

«В сущности, — утверждает Ги Меттан, — русофобия, в отличие от англо- и германофобии, свойственной французам, сродни антисемитизму — хотя, разумеется, это далеко не одно и то же. Как и антисемитизм, русофобия не является временным явлением, связанным с определенными историческими событиями. Как и антисемитизм, она коренится прежде всего в мозгу, независимо от того, как на самом деле ведет себя объект неприязни. Как и антисемитизм, русофобия стремится возвести в принцип отдельные негативные свойства предмета ненависти — в нашем случае, такие как варварство, деспотизм, территориальная экспансия. И тогда ненависть к нации становится вроде бы оправданной» (с. 24–26).

Констатируя наличие в русофобии религиозного элемента, уходящего в далекое прошлое, Ги Меттан обращает внимание на геополитику. «В конечном счете, — пишет он, — как и антисемитские, и антимусульманские, и антиамериканские настроения, неприязнь к России имеет прочные геополитические основы. Принимая различные формы, захватывая народы и культуры, распространяясь на разные исторические периоды, русофобия коренится в Северном полушарии Земли, где сильны позиции католицизма и протестантизма. Зато Азия, Африка, Аравийский полуостров, Южная Америка никогда не страдали русофобией. Что касается китайцев и японцев, то у них с Россией были территориальные конфликты, нередко приводившие к войнам, но антирусские настроения им никогда не были свойственны и в их лексиконе даже нет соответствующих слов. А вот Соединенные Штаты, имеющие с Россией общую границу, но никогда формально с ней не воевавшие и, более того, являвшиеся ее союзником в обеих мировых войнах, прониклись к ней беспрецедентной ненавистью на государственном уровне. Эту загадку мы также хотели бы попытаться разгадать в своей книге». «Так что к данному исследованию, — предупреждает автор, — надо относиться снисходительно, как к первому опыту в новой области, который следует дополнить, развить и продолжить, дабы разрубить этот гордиев узел, мешающий развитию всего западного мира» (с. 26–27).

\* \* \*

Если бы Ги Меттан писал историческое исследование, то вторая глава — «Краткая история русофобии» — по логике изложения должна была бы быть вступительной. Но Меттан — журналист, а не историк.

Тем не менее знакомство с его книгой хотелось бы начать именно со второй главы — с той, где автор исследует истоки русофобии.

Не слишком ли глубоко в историю уводит он читателя? Не слишком ли категорично звучит его утверждение, будто русофобия есть не что иное, как «религиозная война, которая ведется со времен Карла Великого», т.е. с конца VIII в., с возникновения спора вокруг «филиокве»<sup>5</sup>, разделивших романно-германский католический Запад и греко-русский православный Восток? (с. 135–157).

«Спор VIII века из-за упоминания *филиокве* в “Символе Веры”, — пишет Меттан, — сегодня может вызвать улыбку, хотя когда-то он играл такую же роль в борьбе за власть на территории Европы и Средиземноморья, как непереносимое упоминание прав человека и демократических выборов в речах представителей Евросоюза и НАТО, обращенных к путинской России. Поэтому полезно будет напомнить суть догматических и обрядовых различий — сегодня мы назвали бы их идеологическими, — спровоцировавших раскол. Напомнить о том, как властолюбие Карла Великого, а затем императоров Священной Римской империи, жажда наживы венецианских купцов (коммерческая предприимчивость, говоря современным языком) и желание пап установить свою абсолютную власть над всей церковью, в том числе и на Востоке, привели к отделению от Восточной христианской церкви и окончательному краху связанной с ней политической силы — Византийской империи» (с. 140).

Религиозный раскол 1054 г. стал началом противостояния Запада и Востока, католической Европы и православной Византии, падению которой в середине XV в.

---

<sup>5</sup> Филиокве (лат. *Filioque* «и Сына») — добавление к латинскому переводу Никео-Константинопольского Символа Веры, принятое Римской церковью в XI в. в догмате о Троице, согласно которому Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и «от Отца и Сына». Это добавление не получило одобрения восточных патриархов, что стало одним из поводов к расколу Вселенской христианской церкви в 1054 г.

Запад активно содействовал<sup>6</sup>. «Для Европы, — замечает по этому поводу Меттан, — падение Константинополя и восхождение на трон базилевсов мусульманского правителя стало большим потрясением. Подобное потрясение вызвал распад Советского Союза в 1991 г. С одной стороны, чувство, охватившее придворные и правительственные круги, было схоже с тем, которое Джордж Буш-старший выразил по окончании “холодной войны” в своем обращении “О положении страны” в январе 1992 г: “Они проиграли, мы выиграли”. С другой стороны, многие люди, осознавшие масштаб потери, ограничились лишь прозаическим “горе побежденным”» (с. 155).

Исчезновение Византии с геополитической карты тогдашнего мира, по мнению Меттана, не исчерпало конфликт Запад — Восток. Он продолжался, перейдя в плоскость конфликта между Западом и Россией, объявившей себя в начале XVI в. «третьим Римом», наследницей павшей Византии. Запад, как полагает Меттан, не мог остаться равнодушным к столь вызывающему поведению «восточных схизматиков», которых он вознамерился вернуть в лоно римско-католической веры. Одним из инструментов возвращения русских к «истинной вере» еще с середины XII в. стал «Drang nach Osten» (натиск на Восток) — серия европейских крестовых походов против русского православия (с. 160—161). Тем не менее «русские варвары» устояли перед этим натиском, а в начале XVIII в. сумели даже сплотиться в рамках самой обширной на континенте Российской империи.

В рассуждениях Меттана о религиозных корнях западной русофобии много справедливого, но, как представляется, историческим рубежом ее появления как политического феномена следует все же считать XVIII в., когда на карте Европы появилась Российская империя.

Нельзя не признать, что со времен установления ордынского ига в первой половине XIII в. и вплоть до середины XVII в., «Московия» не была сколь-нибудь заметным актором в европейской политике, и уже потому с ней никто на Западе всерьез не считался. В европейских столицах не всегда даже достоверно знали: кто в тот или иной момент занимает в Москве царский престол. Так, Людовик XIV и его первый министр кардинал Мазарини вплоть до 1654 г. искренне полагали, что Россией по-прежнему управляет Михаил Федорович, который умер еще в 1645 г. Как иначе объяснить тот факт, что на десятом году своего правления царь Алексей Михайлович получил от Людовика XIV послание, которое начиналось следующим обращением: “Sire et Mon Frère Mikhaïl Féodorovitch (Сир и Брат мой Михаил Федорович)”. Русский царь так удивился, что срочно отправил в Париж посольство во главе с князем Константином Мачехиным и дьяком Андреем Богдановым.

Все изменилось с петровских преобразований. Когда на месте архаичной (или самобытной — как на это взглянуть) Московии появилась европеизированная и амбициозная Российская империя, на глазах наращивавшая свою военную мощь, на Западе всерьез встревожились. Никто там не был готов к тому, чтобы принять Россию на равных в круг великих европейских держав, а именно этого добивался Петр Великий и его преемники на петербургском троне. Европеизация России (при всей ее условности и ограниченности) отнюдь не радовала европейских правителей, все более определенно говоривших об “угрозе” со стороны “неисправимых варваров, подверженных извечному деспотизму”.

---

<sup>6</sup> Здесь можно напомнить о Четвертом крестовом походе, когда в 1204 г. крестоносцы захватили и разграбили Константинополь, учредив так называемую Латинскую империю, просуществовавшую менее 60 лет (1204—1261 гг.). Византийский император вынужден был укрыться в Никее. Когда османы с начала XV в. усилили натиск на возрожденную Византию, Запад ничего не сделал для того, чтобы помочь восточным христианам.

Этот взгляд на Россию разделяли и отдельные просветители, в частности Жан-Жак Руссо. «Русские никогда не станут действительно цивилизованной нацией, потому что их попытались цивилизовать слишком рано, — утверждал он. — У Петра был подражательный, но не созидательный гений. Лишь кое-что из сделанного им можно оценить положительно; в подавляющем же большинстве его деяния оказались неудачными. Он видел, что его народ пребывает в варварстве, но он не понял того, что этот народ еще не созрел для приобщения к культуре. Петр слишком рано попытался цивилизовать русских. Он настойчиво старался сделать из них голландцев или англичан, вместо того, чтобы сделать их цивилизованными русскими»<sup>7</sup>.

Справедливости ради надо отметить, что позицию Руссо в отношении России не разделяли другие французские просветители — Вольтер и Даламбер, восхищавшиеся деяниями Петра I и Екатерины II и приветствовавшие возвращение России в семью европейских народов после нескольких столетий вынужденного отдаления от нее.

Зато правящая элита Франции со времен «короля-солнца» Людовика XIV прочно усвоила враждебный взгляд на Россию. Ги Меттан справедливо отмечает «ключевую роль» Франции «в формировании мировой русофобии», в основу которой было заложено две идеи — «миф об экспансионизме и миф об азиатском деспотизме» русских (с. 180—227). Первый миф возник во время правления Людовика XV, когда при участии польской аристократии было сочинено фальшивое «Завещание Петра Великого» с изложением программы территориальной экспансии России на европейском континенте. Второй, сугубо идеологический, миф сформировался в кругах французских либералов, последователей Монтескье (Ф. Гизо, А. де Токвиль и др.) после падения наполеоновской империи. Он оказался особенно живучим.

К тому, что Ги Меттан говорит о русофобии Людовика XV, можно добавить выдержку из одного документа, автором которого был сам король. Вот как он наставлял своего посланника в Санкт-Петербурге барона де Бретейля (10 сентября 1762 г.): «Вы уже знаете, и я повторяю здесь предельно ясно, что единственная цель моей политики в отношении России — удалить ее как можно дальше от участия в европейских делах... Все, что может погрузить русский народ в хаос и прежнюю тьму, выгодно для моих интересов. Для меня не стоит вопрос о развитии отношений с Россией. Достаточно поддерживать те, что уже имеются, не более»<sup>8</sup>. Вплоть до своей смерти в 1774 г. Людовик XV последовательно придерживался этой линии. Он не только провоцировал Турцию на войну с Россией, но и пытался даже поддержать пугачевский бунт. И все это делалось ради того, чтобы «погрузить русский народ в хаос и прежнюю тьму» с целью держать Россию на задворках Европы.

Такой подход в отношении России был характерен и для последующих правителей Франции, в частности, для Наполеона.

Русофобия в Англии, по мнению Ги Меттана, не достигла столь высокого «теоретического» уровня, как во Франции. Тем не менее и там она всегда была и остается достаточно агрессивной. «Русофобия в этой стране, — пишет Меттан, — зародилась в 1815 г., сразу же после свержения Наполеона, и, как и во Франции, развивалась на двух уровнях. ... Английская русофобия носила геополитический характер, поскольку Великобритания включила Россию в число держав, претендующих на мировое господство, — впервые с начала промышленной революции. Отражением этого неприятия всего русского стала так называемая Большая игра — соперничество Российской и Британской империй в Азии на протяжении XIX в. ... Пока французские философы бились на идеологическом поле, обсуждали преимущества демократии и оттачивали аргументы против азиатского деспотизма, англичане открывали торговые пути и неустанно завоевывали новые рынки. Поэтому под английской русофобией нет ни религиозной, ни философской основы» (с. 228—229).

<sup>7</sup> Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau, t. 2. Paris, 1831, p. 171.

<sup>8</sup> Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, t. 9. Paris, 1890, p. 213—215.

Русофобия в Германии, согласно Меттану, появилась позднее, чем во Франции и Англии — в конце XIX в. «Но немцы, — отмечает автор книги, — быстро наверста-ли упущенное: унижительное поражение 1918 г. и экономический кризис 1923–1930-х годов стали благодатной почвой для становления расистской идеологии нацистско-го государства. В эти годы русофобия в Германии достигла своего апогея. Согласно национал-социалистской классификации расовых групп, славяне, жившие к восто-ку от Днепра, находились на одной ступени развития с представителями негроидной расы и евреями, и за это они впоследствии заплатились. Набиравшая обороты расовая борьба усугублялась идеологической кампанией против «иудобольшевизма», вопло-щением которого национал-социалисты видели коммунистическую Россию во главе со Сталиным. Страшным итогом этих событий стала самая масштабная бойня в чело-веческой истории: более 25 миллионов советских граждан, в основном евреи и восточ-ные славяне (из которых 14 миллионов русских и 7 миллионов украинцев), погибли по вине нацистов во время Второй мировой войны» (с. 262–263).

Ги Меттан подробно рассматривает обстоятельства зарождения германской русо-фобии в эпоху Второго рейха, т.е. на протяжении XIX в., до окончания Первой миро-вой войны. Уже тогда в общественном сознании немцев, несмотря на дружественные, даже родственные связи Гогенцоллернов и Романовых, прочно укоренилось представ-ление о культурном превосходстве Германии над «варварской» Россией.

Говоря о современности, Ги Меттан высказывает предположение о важнейшей, хотя и закулисной, роли германской правящей элиты в событиях последней четвер-ти века в Европе. «Немецкий дух укрылся под маской кротости, и мы радуемся это-му, — иронизирует Меттан. — Остальные члены Евросоюза попросту одурачены. На крючок попались даже США, которые поспешили поддержать протестующих Майда-на в надежде, что знаменитый украинский “геополитический стержень” у них в кар-мане и что Россию удастся отбросить назад в Сибирь. Ангела Меркель предоставила свободу действий Джо Байдену и Виктории Нуланд. После чего ей оставалось толь-ко пожинать плоды, искусно добившись назначения Германии третейским судьей в конфликте между Западом и Россией. ... Не сознавая, что произошло, — резюмирует Ги Меттан, — в один прекрасный день Европа проснулась в эпоху Германии, которая менее чем за четверть века под аплодисменты публики и без единого выстрела оты-гралась за обе мировые войны» (с. 310–311).

Самостоятельную главу Ги Меттан посвятил русофобии в США, отметив, что аме-риканская русофобия — самая молодая из всех существующих (если, конечно, не счи-тать русофобии, исповедуемой и насильственно насаждаемой на Украине нынешними властями в Киеве). Она родилась с началом “холодной войны” после 1945 г. «Амери-канская русофобия, — пишет Ги Меттан, — опирается на динамический синтез либе-рально-демократической французской, империалистической английской и немецкой русофобии. В своем неприятии России и всего русского американцы пошли гораздо дальше французов, немцев и англичан. У Франции Штаты позаимствовали философию и принципы: свободу, демократию и права человека. У англичан — цели: владычество на море и выход на основные континентальные рынки, а также стратегию: военное пре-восходство благодаря бюджету армии, который превосходит оборонные расходы всех остальных стран мира вместе взятых, и контроль средств связи путем перманентной мобилизации ресурсов “мягкой силы”. От немцев же США унаследовали великолепный инструментарий — разработанную нацистами технику массовой пропаганды и идеоло-гический мотив борьбы с могучим противником — советским большевизмом» (с. 313).

Далее автор рассматривает эволюцию американской русофобии в форме антисо-ветизма в тесной связи с возрастанием глобальных амбиций США после окончания Второй мировой войны и в контексте противостояния с СССР, с развалом которого на смену вчерашнему антисоветизму приходит классическая русофобия.

«После распада Советского Союза в 1991 году, — пишет Ги Меттан, — защитники свободы, за сорок лет привыкшие сражаться против коммунистического тоталитариз-ма, вполне разумно рассудили, что их миссия исполнена и можно предоставить молодой

демократической России спокойно строить новое общество». «Наиболее убежденных из них ждало скорое разочарование, — продолжает Меттан. — Противникам коммунизма пришлось попрощаться с геополитическим противостоянием: больше ничто не вдохновляло американских «ястребов» стремиться к мировому господству. Во время первого срока Бориса Ельцина, с 1992 по 1996 год, события развивались по предсказуемому сценарию. Экономическая шоковая терапия, навязанная идеологами МВФ, в частности Джеффри Саксом, насаждала в разоренной России свободу неолиберального толка. Приватизация позволила горстке грабителей присвоить национальные богатства под предлогом перехода к капитализму, в то время как западные СМИ аплодировали Ельцину, приказавшему стрелять из танков по законно избранному парламенту.

Но все изменилось в январе 1996 г., когда Ельцин, признав несостоятельность заимствованной модели, включил в правительство по-настоящему преданных патриотов, а чуть позже назначил премьером бывшего министра иностранных дел Евгения Примакова. С этого момента американская антироссийская пропаганда вновь расцвела пышным цветом, взяв на вооружение старые темы и прежнюю идеологию, но обратив их против новой России. О привычном разоблачении тоталитаризма, разумеется, речи больше не шло, зато вскоре вновь всплыли забытые с 1917 года обвинения в атавистической склонности России к экспансионизму и деспотизму. Антироссийская пропаганда разворачивалась по привычной схеме: территориальное господство и геополитические амбиции, с одной стороны, проповедь свобод, прогресса и благ глобализации — с другой. Причем второе маскировало первое, поскольку такого удобного предлога, как борьба с коммунизмом, больше не существовало» (с. 329–331).

Инициатором нового идеологического натиска на Россию выступил Збигнев Бжезинский, обосновавший в двух своих книгах — «Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы» (1997 г.) и «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» (2004 г.) — необходимость установления полного контроля США над Евразией, что было бы невозможно без включения Украины в сферу влияния Вашингтона и Брюсселя.

«Двадцать лет спустя можно сказать, — констатирует Ги Меттан, — что программа Бжезинского почти полностью реализована. Все заинтересованные стороны следовали ей неукоснительно. Украина при активной поддержке Польши и прибалтийских стран вышла на западную орбиту. Бжезинский не предвидел лишь того, что жители Восточной Украины сделают другую, неожиданный для него выбор. Они будут стремиться к воссоединению с Россией или обретению независимости, но никак не к сближению с Западом» (с. 333).

Программа Бжезинского не сводится лишь к максимальному ослаблению и нейтрализации России. Бжезинский мечтает о большем. «Перед его мысленным взором, — пишет Меттан, — стоит расчлененная Россия, не способная вернуть былое могущество и бессильная в военном отношении против Европы». Речь идет (и Бжезинский открыто говорит об этом) о создании на пространстве современной России трех государственных объединений — собственно Европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики. Реализация такого сценария позволила бы окончательно снять с повестки дня болезненную для Запада проблему «русской угрозы», сделав необратимым исчезновение «империалистической» России (с. 334–336).

Возрастающую роль в стратегии США и Запада в целом в отношении России, наряду с традиционными силовыми приемами, играет так называемая «мягкая сила» («абсолютное оружие американской демократии») с ее обширным инструментарием, подробно рассматриваемым в книге Меттана (с. 337–343).

\* \* \*

Современный этап в эволюции западной русофобии Ги Меттан датирует не последними событиями на Украине, а приходом к власти в России в 2000 г. В.В. Путина, который с самого начала — даже когда он старался развивать диалог с Западом — вызвал там устойчивое неприятие, переросшее в откровенную враждебность, особенно

после того, как, выступая в 2007 г. в Мюнхене, президент России отверг однополярный мир и осмелился заговорить о национальных интересах своей страны. «Бывший шпион, выкормыш КГБ, антидемократ и антилиберал, оголтелый противник европейских и американских идеалов. Сидя за стенами сумрачного Кремля, он лелеет одну единственную мечту: под шумок вернуть державе 25 миллионов подданных, разбросанных по городам и весям бывших советских владений. Будучи достойным преемником самодержавного и коммунистического стиля правления, этот властитель понимает исключительно язык силы. Он человек прошлого, и его надобно воспринимать именно так» — таков, по мнению Меттана, портрет президента России, настойчиво предлагаемый СМИ западному обывателю (с. 93).

Непонимание, переходящее в негодование, в западных СМИ, как считает Меттан, вызывает неизменная популярность Путина у себя на родине. По этой причине враждебность к нему лично стала распространяться и на «недоразвитый» народ России, не способный понять и оценить все преимущества и блага «евроатлантической цивилизации». «Вот “символ веры” антирусской идеологии, — констатирует Меттан: Россия — отсталая, варварская страна, стоящая на низкой ступени развития, претендующая на чужие территории, стремящаяся вернуть себе былое господство и воспринимающая как должное деспотизм власти, который является национальной традицией. Соответственно, русские — существа узколобые, склонные к национальному шовинизму, враждебные всему новому — то бишь реакционеры, а кроме всего неотесанные грубияны и алкоголики; правда, временами у них случаются поэтические и художественные прорывы» (с. 92–93).

Русофобия на Западе, по мнению Ги Меттана, за последние годы приобрела столь болезненный характер, что превратилась в некий условный рефлекс. «Почему, — задается вопросом автор книги, — едва только речь заходит о России и о Путине, западная пресса отказывается от объективности?... Почему принципы, которыми испокон веков гордились западные журналисты — стремление узнать, понять, докопаться до истины, сравнить точки зрения, а еще готовность к сопереживанию, уважение к другим, — почему эти этические принципы мгновенно забываются?». «Как объяснить тот факт, — продолжает он, — что как только дело касается России, здравомыслящие, серьезные и опытные журналисты вдруг отрекаются от независимости суждений и примыкают к дружному хору антироссийских обвинений? Почему они так предвзято относятся к Путину, стоящему во главе страны, гораздо более демократичной, чем Китай, и уж тем более никогда не позволяют себе ничего подобного по отношению к президенту США, китайскому лидеру или главе собственного государства?» (с. 90, 94–95).

«Похоже, что для наших органов печати и вещания, для наших исследователей и политиков реальность создается не фактами, а мнением тех, кто о них разговаривает. Или именами тех, о ком говорят», — с сожалением констатирует Меттан (с. 91).

На многочисленных примерах в книге показывается, как любые события, происходившие в России в «путинский» период, в западных СМИ трактовались исключительно в антироссийском ключе — будь то контртеррористическая операция (КТО) в Дагестане и серия терактов в Москве, Волгодонске и Буйнакске (1999 г.), гибель АПЛ «Курск» (2000 г.), трагедии на Дубровке (2002 г.) и в Беслане (2004 г.), «дело Ходорковского» (2003–2005 г.), военный конфликт в Южной Осетии (2008 г.), скандал с панк-группой “Pussy Riot” (2012 г.) и даже Олимпиада в Сочи? (2014 г.) — все это ставилось в вину В.В. Путину.

\* \* \*

Особое внимание в своей книге Ги Меттан уделяет киевскому Майдану 2014 г., показав, как закулисное, так и открытое участие в подготовке государственного переворота на Украине Соединенных Штатов и лично вице-президента Джо Байдена и помощника госсекретаря Виктории Нуланд. Автор напомнил о признании самой Нуланд относительно 5 млрд долларов, потраченных США после 1991 г. на дестабилизацию политической обстановки на Украине. Он привел скандальную и оскорбительную для

европейских лидеров цитату из получившей огласку записи телефонного разговора Нуланд с американским послом в Киеве Джеффри Пайеттой в ходе февральских событий на Майдане<sup>9</sup>.

«Европейская пресса и глазом не моргнула, когда американка Нуланд по собственному усмотрению назначила новое правительство Украины, тогда как старое было еще у власти. Но ведь это неприкрытая подготовка путча, разве нет? — задает риторический вопрос Ги Меттан. — И почему столица Евросоюза не возмущается, когда ее оскорбляют члены американского правительства, и поднимают крик, если что-нибудь не то скажет Путин?» (с. 97).

У Ги Меттана имеется множество и других вопросов к руководству США и Евросоюза, а также к западным СМИ по поводу политического кризиса на Украине, переросшего в гражданскую войну.

Относительно референдума о самоопределении Крыма, организованного 16 марта 2014 г. крымским парламентом, когда 95% жителей полуострова высказались за вхождение в состав России, Ги Меттан напоминает неосведомленному западному читателю о результатах аналогичного референдума, на законных основаниях проведенного в Крыму еще 12 января 1991 г. Тогда 94,3% принявших участие в голосовании (81,37% избирателей) высказались за восстановление независимой крымской республики и подписание ею нового союзного договора, предлагавшегося Михаилом Горбачевым. Несмотря на дважды выраженную народом Крыма волю, и первый, и второй референдумы были объявлены Вашингтоном от имени «мировой общественности» нелегитимными в отличие от референдума в Косово в 2008 г. (с. 100).

«Вот мы и подошли к особенно примечательному событию, — продолжает Ги Меттан: — крушению самолета рейса МН-17 Малайзийских авиалиний, произошедшему 17 июля 2014 г. над Донбассом. Ведущие СМИ точно с цепи сорвались: с первых же минут после крушения самолета обвинение легло на Россию и сепаратистов. Не прошло и нескольких часов, как президент Обама и его госсекретарь Джон Керри уже тыкали в Россию пальцем. Причем доказательств не было никаких. 26 июля, когда Соединенные Штаты утверждали новый пакет санкций против России, официальный представитель Белого дома снова заявил, что, предположительно, «за поражение самолета должен отвечать Владимир Путин».

«В течение нескольких недель, — пишет Меттан, — все западные СМИ муслировали тему крушения самолета, дополняя и подкрепляя уже известную информацию цитатами бесчисленных консультантов и экспертов из брюссельских мозговых центров НАТО и из окружения нового президента Украины Порошенко. Им вторили многочисленные “независимые” эксперты, которых просили прокомментировать события в Донбассе, причем все в том же ключе: в защиту нового украинского режима. И ни разу западная пресса, столь внимательная к отстаиванию прав человека, когда речь идет о “Пусси Райт” или об Алексее Навальном, не отметила, что обстрел украинской армией мирного населения Донецка и Луганска нарушал Женевские конвенции (о защите гражданского населения во время войны. — *П.Ч.*) и являлся военным преступлением» (с. 101–102).

В чем же видит автор книги глубинные причины украинского кризиса?

В своих размышлениях он опирается на квалифицированные оценки ряда американских экспертов, в частности, Джека Мэтлока, бывшего посла США в Москве, Джорджа Ф. Кеннана, разработавшего в свое время концепцию «сдерживания» СССР, Джона Дж. Миршаймера, профессора политических наук Чикагского университета и Пола Крейга Робертса, бывшего члена администрации Рональда Рейгана. Все они в один голос указывают на расширение НАТО на восток, как одну из главных причин нараставшего обострения отношений между Россией и Западом. Они же — и Ги Меттан

---

<sup>9</sup> Нуланд тогда сказала, что «Европа может катиться к... матери» и что В. Кличко (нынешний мэр Киева) лишний в правительстве, потому что «не сработается с А. Яценюком на этом уровне» (с. 96).

полностью с ними в этом согласен — считают, что «стратегической ошибкой» стало настойчивое вмешательство «третьей стороны» в процесс политических и экономических реформ на Украине. Попытка любой ценой оторвать Украину от России, заманивая Киев перспективой вступления в ЕС и НАТО, имела самые пагубные последствия. И совершенно недопустимым, даже провокационным, по мнению трезво мыслящих политологов, было появление Джо Байдена и Виктории Нуланд на Майдане.

Американские эксперты напоминают о том, что еще в 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте было заявлено намерение содействовать присоединению к этому блоку Украины и Грузии, что не могло оставить равнодушной Россию. Перед лицом болезненной реакции Москвы в Вашингтоне и Брюсселе тогда решили не форсировать процесс включения Украины и Грузии в НАТО, но спустя несколько лет разговоры на эту тему возобновились. «Соединение всех трех направлений западной политики — расширение НАТО, расширение Евросоюза и распространение демократии (через НПО, неправительственные организации, финансируемые Штатами) — превращается в пороховую бочку, к которой достаточно поднести спичку... Поведение Путина вполне объяснимо», — цитирует Ги Меттан профессора Миршаймера (с. 106).

Мнение американских реалистов разделяют и некоторые представители европейского истеблишмента. Среди прочих Ги Меттан цитирует Юбера Ведрина, бывшего министра иностранных дел Франции. «С 1992 года, — писал Ведрин в “Фигаро” в разгар кризиса на Украине, — западная политика в отношении России была бесцеремонной, провокационной, жесткой и вялой одновременно, иначе говоря, она отличалась непоследовательностью. Сначала Европа послушалась дурного совета США и учинила ультралиберальный big-bang (электрошок без терапии!), приведший к развалу экономической и социальной структуры СССР и приходу к власти опухшей от награбленного клептократии. Поспешные и легкомысленные посулы принять Украину в Евросоюз не могли привести к быстрым и конкретным действиям. А попытки расширить НАТО, приняв в него Грузию, Молдавию, Украину и Азербайджан, предпринятые в годы правления Клинтона, а затем Джорджа У. Буша, были восприняты Москвой как прямая провокация» (с. 111).

Искушенный журналист и политик Меттан не перестает удивляться утрате всякой независимости суждений у большинства своих коллег, превратившихся в «безропотных прислужников власти и глашатаев ее распоряжений», как только речь заходит о России. «Разумеется, — пишет он, — вовсе не обязательно любить Россию, каждый журналист имеет право ее критиковать. Но почему ненависть к России носит такой глобальный, такой коллективный характер, почему за последние десятилетия не прозвучало ни одного доброго слова в ее адрес, как будто там никогда не происходило ничего хорошего?

Разве Россия не открыла границы как для иностранцев на въезд, так и для своих граждан на выезд — шаг, которого никто не мог ожидать?... А разве Россия не устранила угрозу, которая с советских времен висела над Западом: ядерные ракеты и танки, ждущие своего часа в Восточной Европе? Разве не отвела она свои войска на две тысячи километров от Берлина, в то время как США, наоборот, ввели свои войска в Польшу, Чехию и Балтийские страны, сохранив свои ракеты в Турции и военно-морские базы по всему миру? А американские военные расходы разве не выросли при этом в несколько раз за 25 лет, прошедшие со времен “холодной войны”? Какой из двух лагерей стремительно вооружается и тратит на это по 500 миллиардов долларов в год?

Добровольно выведя свои войска из Европы и Центральной Азии, предложив сотрудничество в борьбе за мир (которое Запад отклонил), протянув руку помощи Соединенным Штатам после терактов 11 сентября, разве Россия не доказала, что она отрекалась от любой военной агрессии? Как можно писать длинные бредовые статьи о возрождении российского имперского экспансионизма, имея в виду помощь народам Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и даже Донбасса, когда двадцать лет назад при развале СССР на миллионах квадратных километров сотни миллионов людей мирным путем обрели независимость? А разве Москва не переставала предупреждать

Запад об опасности, которую несет в себе вооруженное вторжение в Ливию и в Сирию?» (с. 117–119).

«Что происходит с нами, — вопрошает Ги Меттан, — наследниками эпохи Просвещения, если мы отрекаемся от доводов разума и от критического подхода к чужим утверждениям, когда дело касается России? Как так получается, что мы, вскормленные Руссо, Кантом, Марксом, Кьеркегором, Сартром, Ханной Арендт, принимаем самые дремучие предрассудки, самые затертые клише, самые замусоленные формулы — как только речь заходит об этой в прошлом “шестой части суши”? Почему мы с такой готовностью принимаем на веру успокоительные теории Сэмюэла Хантингтона, Фрэнсиса Фукуямы, Бернара-Анри Леви о свободе, демократии и устойчивом развитии? Что случилось с нами, что мы отреклись от великих историков, таких как Фернан Бродель, Жак Ле Гофф, Эрик Хобсбаум, Пол Кеннеди, и обратились к самозванцам, которым платят за то, чтобы они переписывали историю и живописали будущее в соответствии с самыми банальными американскими стандартами?» (с. 128).

\* \* \*

Вообще в книге Меттана вопросы преобладают над ответами. Но в одном автор книги убежден — русофобия есть очевидное проявление дискриминации. Самим своим существованием Россия «мешает тому представлению, которое Запад имеет о себе самом и об окружающем мире». «Противоречие между идеализированным образом себя и реальностью, отраженной в образе России, — продолжает Ги Меттан, — возможно, является причиной, по которой Запад Россию демонизирует. И наоборот, пребывая во власти сомнений, Запад начинает Россию идеализировать. Для него русские с белой кожей и голубыми глазами, с близкими религией и культурой кажутся похожими на европейцев. Отсюда горькое разочарование, когда оказывается, что у этого народа другое представление о демократии, вере, свободе и капитализме.

Отличия, демонстрируемые Россией, тем более невыносимы для Запада, что их не видно при первом приближении. Это могло бы объяснить, почему Запад терпит диктатуры и нарушения прав человека у своих политических союзников, но не может это простить своему потенциальному сопернику. А с чего вдруг активисты сексуальных меньшинств и западные СМИ подняли шум о притеснении гомосексуалистов, тогда как в России их никогда не арестовывали? При этом они молчат о судьбе лиц нетрадиционной ориентации в Саудовской Аравии и в Пакистане — странах, где для них по-прежнему узаконена смертная казнь.

Это объясняет периодические всплески русофобии и нетерпимость прессы и неправительственных исследовательских институтов по отношению к России — ведь ненавидят обычно близких, подобных, тех, кого хорошо знают или предполагают, что знают. Далекие и чужие могут вызывать страх, но ненависть — никогда» (с. 129–130).

Меттан высказывает не лишнее оснований предположение, что «Запад будет чувствовать не вполне самим собой без мифа о русском медведе, без образа коммуниста с ножом в зубах, без Путина, мечтающего вернуть имперские территории и мощь Советского Союза» (с. 130). Развивая свой тезис о русофобии как проявлении условного рефлекса, Меттан констатирует, что «русофобия не является врожденной, она воспитывается, укореняется, впечатывается в коллективное подсознание европейцев» (с. 131).

В третьей части книги Меттан подробно разбирает лексику и грамматику антирусского новояза, а также обстоятельства появления в европейском сознании образа злодея и мифа о свирепом медведе. И то, и другое, разумеется, связано с «извечно варварской и агрессивной» Россией (с. 361–433). Суть и содержание современной редакции антирусского мифа, как считает Меттан, удивительно примитивно: «Россией правит президент, “крепко держащийся за власть” и преследующий исключительно “свои собственные цели” в ущерб интересам народа, а Россия — это страна, желающая нам зла» (с. 433).

Меттан довольно пессимистичен относительно перспектив преодоления Западом прочно усвоенной им русофобии. «Пытаясь навязать России свои взгляды, — отмечает

он, подводя итоги своему исследованию, — Запад затеял войну, которая длится уже тысячу лет и не закончится, пока он не откажется от идеи властвовать над миром. Миф о свирепом медведе тоже вряд ли умрет, даже если украинский кризис закончится хеппи-эндом. Потому что ни США, ни Евросоюз не намерены отступить от своих целей» (с. 431).

К сожалению, раскручивание новой спирали конфликта между Западом и Россией в связи с ситуацией в Сирии подтверждает пессимизм Ги Меттана. «Западные политические лидеры, историки, журналисты даже не задумываются над тем, что, может быть, и мы в чем-то виноваты, — пишет Меттан. — Действительно ли наши интересы важнее, чем интересы других стран? И действительно ли наше видение мира самое правильное? Разве не все в ответе за то, что происходит на планете?» (с. 438).

Именно на этой основе — взаимной ответственности за происходящее в мировой политике — можно попытаться положить конец тысячелетней войне, расколовшей Запад надвое. «Необходимо изменить дискурс, очистить его от наслоившейся за многие столетия лжи, приучить себя к мысли, что в расколе, как и в разводе, виноваты обе стороны, — пишет Меттан. — И если примирение пока не получится, то хотя бы будет сделан первый шаг.

Со временем, возможно, появится поколение, которое будет мыслить более широко и гибко и искать себя не в оппозиции к другому, а в единении с ним. Так поступили немцы и французы в 1950-х годах.

Включить, принять на равноправной основе Россию в сообщество европейских стран — не соответствует ли это тем идеалам, которые французское и английское Просвещение утверждали в XVIII веке, прежде чем их свели на нет империалистические аппетиты и жажда этих стран властвовать над миром» (с. 438).

К тому, что рассказал о русофобии в своей содержательной книге Ги Меттан, с которым, предполагаю, не все согласятся даже в России, хотелось бы сделать одно небольшое добавление, вернее — наблюдение.

За последние 15–20 лет в западном политическом лексиконе прочно утвердилось понятие *tolérance* (терпимость), превратившееся за эти годы в один из важнейших принципов современной демократии. Толерантность демонстрируется ко всем инакомыслящим, ко всем религиозным конфессиям, к национальным, сексуальным и прочим меньшинствам и, разумеется, к сотням тысяч инокультурных беженцев и мигрантов, наводнивших Европейский континент. Всем из них — и это замечательно — гарантировано право оставаться в Европе теми и такими, как они есть.

Вот только на Россию общепризнанная Западом толерантность до сих пор не распространилась. За ней упорно не желают признавать право быть самой собой, т.е. отличной от «евростандарта», хотя она и не стучится в двери Евросоюза. Ее, как в царские и советские времена, подвергают постоянному и пристрастному аудиту, если не сказать — идеологическим проработкам с вынесением неизменно отрицательных заключений. Как объяснить столь избирательный подход к толерантности?

Поневоле примешься перечитывать книгу Ги Меттана, которую автор послесловия к ней, доктор юридических наук Алексей Кожемяков удачно определил как «Новый путеводитель по русофобии».

Если же применять к книге Ги Меттана строго научные требования (напомню, что сам автор считает ее, скорее «журналистским досье»), то в ней явно не хватает «присутствия» второй стороны «исторического спора» — России, которая на страницах его книги выглядит исключительно жертвой несправедливых обвинений со стороны Запада. Тем не менее у вдумчивого читателя может возникнуть вопрос — а не вносила ли сама Россия, неосознанно, конечно, свой «вклад» в возникновение русофобии, как и в ее живучесть на протяжении последних трех столетий?

С другой стороны, Ги Меттана легко понять, если вспомнить, что в западной литературе на протяжении тех же трех столетий безраздельно господствует антироссийский мейнстрим. Меттан не столько хотел «защитить» и «оправдать» Россию, сколько представить другой, отличный от утвердившегося на Западе, взгляд на нее.